

«ОСТРАНЕНИЕ» РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

*Попкова Е.М., кандидат филологических наук,
доцент Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»*

Проблематика настоящей статьи затрагивает вопросы передачи в англоязычных юридических текстах некоторых российских реалий, практика перевода которых в наши дни вызывает существенные расхождения во мнениях. При этом речь пойдет не о принципах передачи в англоязычных текстах юридической направленности интеркультурных лакун, связанных с особенностями российской правовой системы, а некоторых классов реалий, функционирующих и в различных внеправовых сферах, перевод которых в текстах литературного характера, как правило, имеет тенденцию к адаптации референта под культуру принимающего языка, но в сфере юридического перевода, где требуется наибольшая точность передачи информации, должен как можно полнее отражать понятийную основу переводимой единицы, ориентируясь на культуру языка оригинала. В статье анализируются «коэффициенты полезного действия» того или иного подхода к передаче на английский язык определенных классов реалий, выбор которых продиктован многочисленными вопросами относительно их перевода, с завидной регулярностью возникающими на переводческих форумах в сети Интернет, а также встречающимися в переводческой практике автора. Ряд рассматриваемых классов реалий включает:

- обозначение серии (документа/прибора и пр.) буквами кириллического алфавита;
- наименование административных единиц РФ и бывшего СССР;
- ономастические классификаторы российского адреса;

- сокращения организационно-правовых форм собственности в названиях компаний и предприятий;
- ученые звания и научные степени.

На данном этапе отсутствуют какие-либо общепринятые принципы передачи указанных классов слов, что в большой степени обусловлено «незрелостью» англо-русского юридического перевода, настоящее развитие которого началось только на рубеже XX–XXI в.в. с существенным увеличением доли иностранных компаний на российском рынке и увеличившейся мобильностью российских граждан. Учитывая недолгий срок, в течение которого происходило полноценное развитие указанной области знаний, отсутствие устоявшейся практики перевода в этой области на данный момент не удивительно.

Данный факт еще более усугубляется сложностью юридического перевода в целом, что обусловлено факторами и экстралингвистического характера, к которым, прежде всего, относится «отсутствие в праве как науке общей основы знаний или же системы «общепринятых функциональных референтов» [Harvey, M., 2002: 179; перев. автора], как, например, в математике. Общеизвестно, что современное право представляет собой разнообразие систем, возникших независимо друг от друга, которые в целом были ограничены в своем развитии государственными и лингвистическими границами [Groffier, E., 1990: 314; прив. по Harvey, M., 2002: 180]. При этом право, конечно, не является исключительным в данном отношении – существуют и другие науки, развитие которых было культурно обусловлено. Тем не менее, указанный факт позволяет говорить о различиях в национально-культурных компонентах правовых систем, существующих «даже у терминов, являющихся средством вербализации универсальных правовых понятий» [Левитан К.М., 2011: 38], ввиду чего при работе с текстами, созданными в разных правовых системах, переводчику в поисках эквивалентного термина необходимо не только изучить все аспекты семантики переводимой единицы в

языке оригинала, но и сравнить правовые системы, в которых функционируют язык оригинала и язык перевода.

Другая сложность именно юридического перевода обусловлена тем, что, в то время как обычно наука стремится к однозначности, юридические документы зачастую намеренно вводят читателя в заблуждение неопределенностью выражаемых понятий, с целью дальнейшей интерпретации текста в интересах той или иной стороны. В многоязычном законодательстве ЕС, например, неопределенность выражения может также отражать компромисс или дипломатическое выражение несогласия между странами – членами Союза. [Biel, L., 2010: 11] На основании этого можно говорить о двух взаимоисключающих целях правовых текстов: стремление к многозначности толкования текста с одной стороны и однозначности с другой, что превращает язык юриспруденции в попытку «найти компромисс между точностью и гибкостью выражения». [Biel, L., 2010: 11] Все это усложняет процесс перевода, так как если толкование юридического текста может представлять сложность для юриста, то еще бóльшую сложность оно, в таком случае, должно представлять для переводчика.

Л. Биел также поднимает проблему, связанную с определением варианта правовой системы, к которой принадлежит реципиент перевода [Biel, L., 2008: 25]. При этом трудности возникают не в случае перевода с английского языка на язык, носители которого принадлежат к безвариативной правовой системе, как, например, Польша или Россия, а при переводе именно на английский, когда становится необходимо определить, рассчитан ли текст на граждан Соединенного королевства, США, Австралии или Канады, а в случае если реципиент перевода является жителем Соединенного королевства, то будет ли это Англия и Уэльс, или же Шотландия с отличной правовой системой.

С подобным мнением нельзя не согласиться, если учесть случаи полисемии юридических терминов в разных англоязычных государствах общего права. Небезызвестно, например, что «постановление муниципального органа» будет звучать как *bylaw* для подданных Соединенного королевства и

ordinance – для граждан США. В то же время *bylaws* для жителей США обозначает «устав компании», который для подданных Британии обозначается термином *articles of association*.

С другой стороны, реципиентом перевода может выступать и не носитель английского языка, для которого *lingua franca* представляет собой средство доступа к текстам, созданным на мало распространенных языках. Более того, учитывая современную роль английского как рабочего языка не только в странах общего права, реципиентом перевода на него чаще всего будет именно лицо, для которого английский язык не является родным: уже на конец 2004 года количество говорящих на английском языке как не родном превышало количество носителей языка в пропорции 3 к 1. [Crystal, D., 2008: 396]

В свете вышесказанного очевидно, что определение целевой аудитории имеет особое значение при подборе переводных эквивалентов в английском языке. Как видно из вышеприведенных примеров, игнорирование подобных фактов может оказать заметное негативное влияние на качество перевода.

Прежде чем перейти непосредственно к вопросу передачи указанных российских реалий на английский язык, целесообразно отметить, что различные переводческие решения, существующие на данный момент времени, в целом образуют континуум, на одном полюсе которого находятся методы адаптации переводимой единицы под культуру языка перевода, т.е. так называемые методы «одомашнивания» (*domesticating*) слова, а на другом – методы «остранения» (*foreignizing*), ориентированные на культуру языка оригинала. [Biel, L., 2009: 182] Наиболее распространенные методы перевода реалий располагаются между полюсами континуума следующим образом:

ОСТРАНЕНИЕ → *графическая трансплантация* → *транскрипция и транслитерация* → *калькирование* → *описательный эквивалент* → *функциональный аналог* → ОДОМАШНИВАНИЕ.

Несмотря на то, что различные способы передачи тяготеют к определенному полюсу континуума в разной степени, их можно, тем не менее, разделить на 2 категории: способы перевода, относящиеся непосредственно к

остранению (графическая трансплантация, транскрипция и транслитерация, калькирование) и способы перевода, относящиеся к одомашниванию (описательный эквивалент, функциональный аналог). Далее рассматриваются методы остранения российских реалий в юридических текстах на английском языке, позволяющие с максимальной точностью передать все аспекты переводимой единицы.

Графическая трансплантация, или же *прямой графический перенос*, т.е. перенос символов из исходного текста, – метод, наиболее других ориентированный на культуру языка оригинала. Он, как правило, применяется при переводе различного типа документов, содержащих обозначение серии документа с использованием букв кириллического алфавита (дипломы, полисы, сертификаты, свидетельства, технические паспорта и пр.). Графическая трансплантация позволяет избежать проблем с передачей букв, отсутствующих в латинском алфавите: *ы, й, ь, я, ю* и пр. – При попытке передачи указанных буквенных кодов символами латинского алфавита переводчик, например, сталкивается с невозможностью различения букв оригинала «ы», «и», «й», а при передаче букв «я», «ю», «е» латинскими символами придется заменять их двойными знаками («ya», «yu», «ye»), что существенно нарушает первичную функцию данных обозначений, как то однозначную идентификацию документа. Таким образом, прямой графический перенос представляет собой единственно верный способ передачи подобных обозначений на английский язык, тем более что прямой перенос букв латинского алфавита в русский язык уже довольно давно прочно вошел в практику перевода. Ср.: полис № 82GZR, прибор S-11, и пр.

Транскрипция и транслитерация в основном применяются при полной непереводимости или слишком большой степени несоответствия понятий, когда буквальный перевод не имеет смысла. Иными словами, эти методы наиболее всего подходят для передачи интеркультурных лакун. Так, в частности, в паре английский-русский языки, «очевидная недостаточность юридической терминологии» в русском языке вынудила юристов

транскрибировать и транслитерировать многие названия юридических профессий [Миньяр-Белоручева А.П., Миньяр-Белоручев К.В., 2003: 106], в результате чего в русский язык пришли такие термины как «барристер» (*barrister*), солиситор (*solicitor*), атторней (*attorney*), киберсквоттинг (*cybersquatting*) и т.п.

Как справедливо указывает Л. Биел, с точки зрения переводчика транскрипционное заимствование «безопасно», так как позволяет избежать ответственности за неточность в случае выбора эквивалента непосредственно из принимающего языка. [Biel, L., 2009: 183] С другой стороны, подобная точность достигается за счет ухудшения восприятия текста, так как понимание заимствованного термина требует от реципиента хорошего знания культуры, в которой функционирует язык оригинала, и нуждается в толковании для неспециалистов. В этой связи, указанные методы, вероятно, наиболее всего подходят для перевода с хорошо-известных языков, функционирующих в государстве, правовая культура которых находится на переднем плане науки юриспруденции.

Проведенный анализ позволил выделить следующие категории российских реалий, при заимствовании которых английской правовой терминологией предпочтение отдается именно методам транскрипции и транслитерации:

1) *Наименования административных единиц РФ и бывшего СССР («район», «область», «край», «округ»).*

Стоит отметить, что данная практика не является новшеством в сфере англо-русского перевода – примеры подобных заимствований (*rayon / raion (внутри области), oblast, kray / krai, okrug*) можно найти в англоязычных текстах уже с середины XX века равно как в названиях административных единиц, так и в качестве имен нарицательных. Ср.: ‘Principles defining the formation of *oblasts* and *krays* were formulated in 1921, and in 1923 the first division, *Ural Oblast*, was created. [Shabad, T., 1951: 47] ‘...form autonomous *oblasts* within the *krays* ... [там же: 102] ‘*Komi-Permyak National Okrug*’ [там же:

513] ‘...Yeltsin signed similar treaties with Sverdlovsk, Kaliningrad and Orenburg *oblasts* and Krasnodar *Krai*. [Rubin, B. R., Snyder, J., 1998: 70] ‘Why were the Russian *oblasts* and *krais* unable to devise any of their own effective mechanisms ...? [там же: 72] ‘...Moscow’s manipulation of the status of autonomous *okrug*s within the Siberian *oblasts*. [там же: 73] ‘This ambiguity has produced considerable conflict between Tyumen Oblast and *okrug* authorities.’ [Orttung, R. W., Lussier, D. N., Paretskaya, A., 2000: 236] ‘The Republic of Adygeya (Adygheya) is situated ... within Krasnodar *Krai*. The republic is in the Southern Federal *Okrug* and the North Caucasus Economic Area.’ [Eastern Europe, Russia and Central Asia 2004, 2003: 370] ‘In the end, Dagestan’s city and *raion* administration heads, ... rallied to Magomedov’s side.’ [Hahn, Gordon M., 2007: 115] ‘The *Okrug*’s municipalities enjoy the same rights and privileges in inter-budgetary relations as all other municipal units within the *Krai* territory.’ [Ross, C., Campbell, A., 2009: 100] Примеры подобных заимствований (*oblast, krai/kray, okrug, rayon/raion*) можно найти во множестве других источников (например, Russia Investment and Business Guide (2011), Merriam-Webster (1997) и пр.), приводить которые в рамках статьи видится нецелесообразным.

При этом остранение административных единиц РФ и бывшего СССР в английском языке наблюдается, как правило, в текстах официального характера, научного стиля или юридических документах, в то время как при употреблении указанных единиц в текстах литературного характера, по справедливому замечанию Д. И. Ермоловича, «уместны скорее аналоги» [Ермолович Д.И., 2001: 111]: область – region, край – territory, округ – area / district, район - district.

Интересно отметить, что по сравнению с такими заимствованными вариантами как *oblast, krai/kray, okrug* транслитерация слова «район» (*rayon/raion*) встречается гораздо реже. Вероятно, это связано с наличием в английском языке лексической единицы, полностью совпадающей с транслитерированный вариантом по форме и произношению (*rayon* – «искусственный шёлк»), в результате чего указанный вариант не получил столь

масштабного распространения как в случае с другими заимствованиями данного класса.

2) *Ономастические классификаторы российского адреса.*

Другой областью языка, где видится наиболее уместным при передаче российских реалий прибегать к транскрипции и транслитерации, можно назвать случаи передачи ономастических классификаторов российского адреса. Поскольку задача при написании полного адреса, как правило, стоит только одна – доставка корреспонденции по назначению, – то адрес можно рассматривать как прецизионную информацию, однозначное и непротиворечивое восстановление которой, что имеет особое значение при переводе юридических текстов, возможно лишь указанными способами: Moskovskaya Oblast, g. Drezna, ul. Sovetskaya, d. 5, kv. 17. Несоблюдение данных правил может привести к предоставлению искаженной информации и несоответствиям в переводе на английский язык реквизитов одной и той же компании, выполненных разными переводчиками.

В целом, практика транслитерации адресов в настоящее время получила широкое распространение среди российских компаний и банков, ведущих документацию на английском языке. В частности, А. Б. Кузнецова, эксперт РОССВИФТ, в «Комментариях к Письму Банка России от 20.04.2005 № 64-Т: SWIFT BIC (международный стандарт ISO 9362)» указывает, что «в целях обеспечения однозначного представления сведений о российских кредитных учреждениях в международных справочниках Банк России издал Письмо от 20.04.2005 № 64-Т, в котором определил порядок предоставления информации...» [Кузнецова А. Б. // Международные банковские операции. №3, 2005. URL: http://www.reglament.net/bank/mbo/2005_3_article.htm], где указывается, что при перерегистрации сведений либо при оформлении запроса на присвоение BIC следует придерживаться правил транслитерации. Сравните следующие примеры:

1) Stroenie 3, 2, Bolshoj Znamenskij Pereulok.

2) 21b, Pyatyj Donskoj Proezd.

3) Korpus 1, 19, Tretya Ul. Yamskogo Polyu. [там же]

А. Б. Кузнецова приводит и рекомендуемый перевод ономастических классификаторов российского адреса:

улица – *ul*;

проспект – *prospekt*;

переулок – *pereulok*;

проезд – *proezd*;

бульвар – *bulvar*;

площадь – *ploschad*;

шоссе – *shosse*;

магистраль – *magistral*;

набережная – *naberezhnaya*;

аллея – *alleya*;

пристань – *pristan*;

вал – *val* и т.д.

Помимо транслитерации автору статьи приходилось сталкиваться со случаями частичного перевода адреса с одновременным включением варианта адреса на языке оригинала. Подобная практика видится разумной, так как дает реципиенту перевода представление о расшифровке адреса, если таковое необходимо, и в то же время обеспечивает доставку корреспонденции. Однако данный подход не всегда представляет собой лучший способ передачи адреса, поскольку очень громоздок и его применение не может быть последовательным ввиду использования некоторыми языками диакритических знаков, которые зачастую технически сложно воспроизвести.

Стоит отметить, что существуют некоторые расхождения во мнениях относительно порядка указания компонентов адреса. В рекомендациях по заполнению регистрационной формы, упомянутых в «Комментариях к Письму банка России», указывается, что перевод почтового адреса должен выполняться в порядке, соответствующем иностранным традициям написания адреса: «наименование здания (при наличии), номер здания, название улицы, почтовый

индекс, город» [там же]. По мнению же Д. И. Ермоловича, транслитерация русского адреса на латиницу должна осуществляться «без элементов перевода и перестановок». [Ермолович Д. И., 2001: 112]. Единственная перестановка, которую допускает автор, состоит в указании получателя перед адресом. Стоит отметить, что Д. И. Ермолович является авторитетным экспертом в данной области знаний и изложенные им принципы по переводу имен собственных рекомендованы к использованию Союзом переводчиков России, Национальной лигой переводчиков и Переводческим форумом России [Письменный перевод. – Рекомендации переводчику, заказчику и редактору, 2012: 27].

3) *Сокращения организационно-правовых форм собственности в названиях компаний и предприятий.*

В конце XX века, когда иностранные компании только начали проникать на Российский рынок, а в России возникли новые формы собственности, переводчикам приходилось при отсутствии устоявшейся практики искать хоть какой-либо выход из сложившейся ситуации, в результате чего на свет появились такие варианты как Open Joint-stock Company (как эквивалент ОАО) и пр. Однако с течением времени практика перевода пришла к более-менее общему знаменателю и в настоящее время сокращения, обозначающие организационно-правовую форму собственности, в большинстве случаев транслитерируются. Принимая во внимание, что ввиду различий в законодательствах России и стран общего права при переводе на английский язык организационных форм собственности полного совпадения все равно достичь невозможно, подобный подход имеет несомненное преимущество над переводом подобных сокращений. Другой весомый аргумент в пользу транслитерации приведен на форуме ABVYU Lingvo, где отмечается, что поскольку аббревиатура формы собственности указывает на страну регистрации фирмы, то в случае перевода организационной формы компании, зарегистрированной в России, «нероссийская аббревиатура будет вводить в

заблуждение относительно страны регистрации» [URL: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=73574&pg=-1>].

Транслитерация организационно-правовых форм соответствует и мировой практике, когда сокращения в названиях, например, английских компаний (*Ltd.*) или немецких (*GmbH*) транслитерируются, а не переводятся. [Ермолович Д. И., 2001: 125]. Подобный подход дан как предписание и для банков РФ: «Форма собственности и организационно-правовая форма приводятся в сокращенном виде после указания наименования заглавными латинскими буквами - ООО, ЗАО, ОАО, АКВ» [Кузнецова А. Б. // Международные банковские операции. №3, 2005. URL: http://www.reglament.net/bank/mbo/2005_3_article.htm].

При опасении, что сокращение организационной формы неизвестно реципиенту перевода, можно при его первичном упоминании в тексте дать пояснение относительно того, к какой форме собственности данное сокращение наиболее всего приближено в культуре принимающего языка. Например: ОАО «Норма» - Norma ОАО (ОАО is *PLC equivalent*).

К слову сказать, встречаются также случаи транскрипции и транслитерации отдельных терминов из сферы юриспруденции, которые, однако, являются скорее исключением из общих правил перевода единиц конкретной категории. Так, например, именно транскрипция принята при передаче на английский язык прилагательного «арбитражный», используемого по отношению к суду (*court of arbitrazh*). Ср.: ‘Commercial disputes between business entities are heard in the Arbitrazh Court system.’ [Russia Investment and Business Guide, 2011: 46] В то же время названия остальных судов, как правило, переводятся (*constitutional court, court of justice*).

Калькирование, которое также можно рассматривать как особый вид заимствования, позволяет создавать переводческие эквиваленты, не соответствующие ни одному из понятий, существующих в языке перевода, но в то же время достаточно прозрачные для понимания носителями принимающего языка. Именно данный метод наиболее всего подходит в случае официального

перевода документов об образовании для передачи *ученых званий и научных степеней*. Так, «кандидат наук» при помощи калькирования передается как *Candidate of Sciences*, а «доктор наук» – *Doctor of Sciences*.

Калькирование при передаче ученых званий и научных степеней РФ на английский язык является не самым распространенным методом. До настоящего времени этот вопрос, ввиду различий в образовательной системе стран общего права и России, вызывает немало дискуссий в переводческой среде. Согласно Международной стандартной классификации образования (МСКО) и степень кандидата наук и степень доктора наук относятся к уровню МСКО 8 [Пересмотр Международной стандартной классификации образования (МСКО), 2011: 58]. При этом указывается, что «в разных странах программы, относящиеся к уровню МСКО 8, называются по-разному, например, кандидат наук (*PhD*), доктор наук/философии (*DPhil*), доктор литературы, (*D.Lit*), доктор (естественных) наук (*D.Sc*), доктор права (*LL.D*), докторская степень или аналогичные термины». [там же]

Общеизвестно, что система высшего образования в Британии и США включает, как правило, 3 ступени: бакалавр (В) → магистр (М) → доктор философии (PhD). При этом первая ступень (бакалавр) соответствует незаконченному высшему образованию в РФ, степень магистра – законченному высшему образованию, а степень доктора философии – степени кандидата наук [Varghese, N.V., Puttmann, Vitus, 2011: 12]. В РФ степень доктора наук присваивается, как правило, лишь после присвоения кандидатской степени и является, таким образом, четвертой ступенью в образовательной системе, отсутствующей в странах общего права.

На основании сравнительного анализа образовательных систем очень распространен перевод степени «кандидат наук» как PhD, т.е. при помощи его функционального аналога в английском языке. При подобном подходе, однако, возникает сложность с передачей термина «доктор наук». В качестве функциональных аналогов, помимо приведенного выше варианта *DPhil*,

предложенного в документах МСКО, встречаются и такие варианты как *Grand PhD /Advanced Doctor (in Law / Linguistics/ etc)*.

Как показывает анализ источников, не менее распространены и методы передачи российских ученых степеней при помощи транслитерированного обозначения ученой степени «с одновременным пояснением точного статуса ученого с помощью параллельного подключения» [Кабакчи В. В., 2004: 457]. Ср: 'Postgraduate study can lead to the Candidate of Sciences degree (kandidat nauk), roughly equivalent to a Western Ph.D., or to the higher D.Sc. (doktor nauk).' [CamEnc 1982: прив. по Кабакчи В. В., 2004: 457] В качестве аргумента в пользу данной рекомендации указывается на требование транслитерировать ученые степени в западных англоязычных анкетах. Именно транслитерированные варианты (kandidat nauk, doktor nauk) приводятся и в документации МСКО [Пересмотр Международной стандартной классификации образования (МСКО), 2011: 58] и документах UNESCO. [Varghese, N.V., Puttmann, Vitus, 2011: 12]

Однако более удачным вариантом, как видится, на настоящем этапе является все же калькирование, так как в данном случае оба термина, отражая специфику российской образовательной системы, одинаково обратимы в русскоязычные аналоги при обратном переводе, а кроме того более прозрачны для понимания реципиента, не обладающего обширными фоновыми знаниями о российской системе образования.

Итак, учитывая глобализацию международного сообщества, можно надеяться на то, что постепенно правовые и образовательные системы России и стран общего права станут более стандартизированными, что снизит количество переводческих трудностей. Однако на данном этапе ввиду их существенного различия переводчикам приходится выбирать решение из большого разнообразия существующих переводческих практик, попытка обобщения которых была произведена в рамках данной статьи, что, в свою очередь, дало возможность выявить предпочтительные методы остранения

некоторых российских реалий на английский язык в текстах юридического характера.

Несомненно, что приведенный анализ не является исчерпывающим, однако он имеет целью аргументированно обоснованное изложение целесообразности остранения при переводе российских реалий, одомашнивание которых может не только ухудшить качество перевода, но и привести к искажению информации, что недопустимо при тех требованиях к точности, которые предъявляются к тексту в юридическом переводе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: «Р. Валент», 2001.
2. *Кабакчи В. В.* Практика англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб: Издательство «Союз», 2004.
3. *Кузнецова А.Б.* Комментарии к Письму Банка России от 20.04.2005 № 64-Т: SWIFT BIC (международный стандарт ISO 9362). // Международные банковские операции. №3, 2005. URL: http://www.reglament.net/bank/mbo/2005_3_article.htm (дата обращения: 17.05.2011).
4. *Левитан К.М.* Юридический перевод: основы теории и практики. М.: Проспект, 2011.
5. *Миньяр-Белоручева А.П., Миньяр-Белоручев К.В.* Английский язык. Учебник устного перевода: Учебник для вузов. – М.: Издательство «Экзамен», 2003.
6. Пересмотр Международной стандартной классификации образования (МСКО). ПРИЛОЖЕНИЕ. Генеральная конференция, 36-я сессия, Париж, 2011. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002116/211619r.pdf> (дата обращения: 15.10.2011).

7. Письменный перевод. – Рекомендации переводчику, заказчику и редактору. 2 ред. М.: 2012. URL: <http://www.translators-union.ru> (дата обращения: 07.10.2011).
8. *Biel, Lucja.* “Legal Terminology in Translation Practice: Dictionaries, Googling or Discussion Forums?” // *Journal of Translation and Interpretation*, 2008, Vol. 3, No. 1, pp. 22-38.
9. *Biel, Lucja.* Organisation of Background Knowledge Structures in Legal Language and Related Translation Problems. // *Comparative Legilinguistics. International Journal for Legal Communication* (1/2009). pp. 176-189.
10. *Biel, Lucja.* Corpus-Based Studies of Legal Language for Translation Purposes: Methodological and Practical Potential. // Online proceedings of the XVII European LSP Symposium 2009. Aarhus 2010.
11. *Cao, Deborah.* Translating Law. Clevedon: Multilingual Matters. 2007.
12. *Crystal, D.* Into the twenty-first century. In Lynda Mugglestone (ed.) *The Oxford History of English*. Oxford: OUP, 2008. Pp. 394-413
13. *Eastern Europe, Russia and Central Asia 2004.* 4th edition. Europa Publications, 2003.
14. *Hahn, Gordon M.* Russia's Islamic Threat. Yale University Press, 2007.
15. *Harvey, Malcolm.* What is special about legal translation? // *Meta: Translators' Journal*, vol. 47 (2), 2002, pp 177-185.
16. *Merriam Webster's Geographical Dictionary*, 3d Ed. Merriam-Webster, 1997.
17. *Orttung, R. W., Lussier, D. N., Paretskaya A.* The Republics and Regions of the Russian Federation: A Guide to Politics, Policies, and Leaders. EastWest Institute, 2000.
18. *Ross, C., Campbell, A.* Federalism and Local Politics in Russia. Routledge, 2009.
19. *Rubin, B. R., Snyder, J.* Post-Soviet Political Order: Conflict and State Building. Routledge, 1998.
20. *Russia Investment and Business Guide Volume 1 Strategic and Practical Information.* International Business Publications, USA, 2011.

21. *Shabad, Theodore*. Geography of the USSR: a regional survey. Columbia University Press, 1951.
22. *Varghese, N.V., Puttmann, Vitus*. Trends in diversification of post-secondary education (IIEP research papers). Paris: UNESCO, ИЕР, 2011. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0019/001915/191585e.pdf> (дата обращения: 09.07.2012)